

Иду по следу, остужая разум

Может быть потому, что мужские стихи о любви взялись переводить женщина? Ну да, многие творческие пути — неисповедимы. Может, потому что сонеты предстали перед читателем в переводе, как и в оригинале, — нерифмованными. Автор зарифмовал один из них, но, вероятно, боясь не успеть одолеть столь серьёзный труд в рифме, остальные сделал белым стихом. Не в упрек поэте скажем, что российский читатель, избалованный великими мастерами отечественной литературы, едва ли с большим удовольствием мог принять нерифмованный классический сонет...

Прочтя первый перевод Неруды, Сергей Крюков почувствовал нереализованный внутренний потенциал произведения, созвучный собственному мировосприятию. И начал переводить стихотворный том. Его первая часть «Утро» появилась в печати в книге Крюкова «Когда снисходит благодать» в 1996 году. Работа продолжилась, и в 1997-ом поэт перевёл ещё около 30-ти сонетов. И тут у него украли портфель с документами, среди которых была и поэтическая тетрадь. Горечь потери отодвинула дальнейшую работу на многие годы.

В 2009-ом году Сергея Крюкова за первый цикл сонетов наградили «Памятной медалью Маршака», что побудило его вернуться к творчеству Неруды. Поэт повторно перевёл вторую часть книги, а следом — и оставшиеся две. В уточнении подстрочников Сергею Крюкову помогла поэтесса Виктория Шлыкова, живущая в Испании и в совершенстве владеющая языком оригинала.

Русский читатель узнал творчество Неруды с выходом в свет четырёхтомного собрания сочинений поэта в 1979-м году. Тогда перевод книги выполнила известная поэтесса Маргарита Алигер (1915-1992).

Почему же имевшая грандиозный успех за рубежом книга латиноамериканского гения не нашла широкого читателя в России?

Своей неподдельной глубиной чувств, яркой темпераментной образностью стихи Пабло Неруды ставят великого чилийского поэта в ряд выдающихся литераторов Латинской Америки. Как выразился Марио Сильберман, чилийский посол в России, «Неруда для Чили — то же, что Пушкин для России».

Сонет 70

Иду по следу, остужая разум,
Потонком лучу судьбы твоей.
Река открылась в прореди ветвей,
Дождь небеса обрушивает наземь.

Сочится брешь сердечная
дождями.
Пронзил мои терзания
твой взгляд,
В большой душе глаза твои горят,
Тьма шелестит,
сливаясь с небесами.

Кричу: «Кто там?» —
но в сельве нет ответа.
В молчаньи листьев,
и воды, и света —
Я слышу лишь
неразличимый звук.

Я, оказалось, ранен был тобою.
А думалось, что это — сумрак воеет
И дождь звенит и шепчется вокруг.

Сонет 76

Ривера, живописец твой, искал
В листве лесов живые изумруды,
Брал киноварь,
мешая с глиной руды,
Переноса в картину
вспышки скал.

Он написал твой горделивый нос,
Зажёт зрачки,
лучей добавил взгляду
И ото всей души —
холсту в награду
Арбузно-красный спелый рот нанёс.

Нарисовал две головы анфас
Вулканами любви с огнём из глаз —
Из глины лучезарной два события.

В горячей шапке рыжего огня
Тебя узнает каждый по наитью.
А кто-нибудь узнает ли... меня?

Сонет 85

По улочкам туман приходит часто —
Морозный пар дыхания быка.
И застит звёзды, что несёт река,
И месяц,
напророчивший нам счастье.

Едва посёлки вспыхнут
жаром листьев,
Крестьянок песни
льются над рекой,
И в горы Патагонии покой
Уходит табуном осенних истин.

Лицо твоё увилив выюнок печали.
Любовь и лето образ твой венчали,
Пока не соскользнула грусть с небес.

Склоняюсь пред огнём ночного тела,
К которому, как бабочка, слетела
Туманы побеждающая весть.

Сонет 89

Любимой рукой, когда умру я,
Глаза мои погасшие закрой.
В последний раз меня тихонько тронь
Той кротостью,
что мир перевернула.

Я, спящий, подожду.
Живи, как прежде,
Всё так же слушай ветер на заре,
Вдыхай неповторимый дух морей,
Ходи по пляжам, где жила надежда...

Оставь живым всё то, что я любил.
А я любил, насколько было сил,
Любил твоё цветенье, так цвети же!

Всё будет так, как я тебя просил,
Твоих волос коснётся шорох крыл,
Я вознесусь — и вновь тебя увижу.

Сонет 98

Та бездна, что в себя вмещает слово,
Весомое, как миллионы книг,
Сомной уйдёт, лишь минет
жизни миг,И вновь землею станет, что не ново.

Ну, что стою, что славы яркий свет
Бокал наполнив,
через край прольётся?
Ведь он — мгновенье
отраженья солнца,
Горящего в безмерной толщелет.

Неторопливый мудрый мой глагол
Уже давно в сторонку отошёл
От пенных снов
моих воспоминаний.

Слов не осталось, кроме одного.
Молчит любовь, не помня ничего.
Но всколыхнёт весна
волну признаний.

Сонет 100

Над головой раздвину изумруды,
Чтоб лучше видеть, как твоя рука,
Подобно кольяхна колоска,
Мне письма шлёт
про жизненное чудо.

Как буйно разукрашен этот мир!
Плывёт корабль
восторженной планеты,
А мы на нём — живые самоцветы...
И звон согласия пронизал эфир...

Ни облачка, ни грусти в мире нет —
И осеняет яблоневый цвет
Скрижали жизни,
красками колдуя.

Мы для гвоздик,
что шепчутся тайком,
Невидимые панцири скучём
Из вечности земного поцелуя.

Сонет 6

Я срезал ветку, заблудившись в чаще,
И плач её к сухим губам поднёс.
То был ли шёпот ливня, полный слёз
Иль треснувшего сердца
стон хрипящий?..

Передо мною всплыл
из дали дальней
Давно знакомый образ или звук,
Прорвавший толщу тысячи разлук
И беспредельность
осени печальной.

И ветка, пробуждённая губами,
Заполнила чашу голосами,
Рождёнными паренем аромата.

И замер я — кольнули сердце снова
Былые сны родительского крова
И детство, позабытое когда-то.

Сонет 33

Пора бы возвращаться нам домой.
Там хмель уже, наверно, влез на крышу
И в спаленку твою, проворней мыши,
Забрался полдень радостью самой.

Лобзания наши обошли весь мир.
Армения упала каплей мёда,
Орлом Цейлон вознёсся к небосводу,
Междём и ночью лёг Янцзы пунктир.

Вскрежущие волны окупёмся,
Почтовыми голубками вернёмся,
Ведь к дому — люд инстинктами ведом.

Не вечно же порхает любви по свету!
И, повинувшись древнему завету,
Вернутся поцелуй в добрый дом.

Сонет 38

Трясётся дом грохочущим составом,
Поёт плита, гудит осиновый рой,
В саду фонтан рокошет, как прибор,
Твой смех бежит
по пальмовым октавам...

Лазурь стены беседует с брусчаткой,
Приходит телеграмма, стынет чай...
И меж сморокниц, словно невзначай,
Вот-вот Гомер прошаркает укладкой.

Там, в городе, — ни голоса, ни стона.
В проулках тишина вершит законы,
Лишь водопад доносит рыки львов.

А ты шумишь, поёшь, спешаешь куда-то,
Но лишь — за дверь,
как в дом с лучом заката —
Январский холод залететь готов.

Сонет 65

Матильда, где ты?.. Сердце давит бездна
Всей тяжестью бездонной пустоты,
Ломяя грудь! Матильда, где жёты!
Мне жизни нет с тех пор, как ты исчезла...

Присутствие твоё необходимо.
Я съел надежду взглядом в пустоте.
И звёзд не видно в гулкой высоте
Сквозь тень беды,
подобной ключьям дыма.

Безмолвной крышей
дом притихший внемлет
Паденью листьев осени на землю.
Шуршит пером дождя ночная власть.

Я жду тебя тоской пустого дома.
Вернись скорее, изгони истому! —
Иначе окна лопнут, недождашь.

Виктор КАШКИН

«Московский Парнас» в Доме Ростовых

В конференц-зале гостеприимного Дома Ростовых состоялось общее собрание Академии российской литературы и Творческого клуба «Московский Парнас», приуроченное к выходу четвёртого номера одноимённого альманаха

Не секрет, что появление свежего выпуска «МП» становится событием не только для литературной Москвы, но и отзывается далеко за пределами столицы: в Уфе, Санкт-Петербурге, Туле, Сургуте, Элисте, Барнауле, Кемерово, Рязани, Новосибирске, Ханты-Мансийске, Волгограде, Челябинске, Архангельске, Каракасе (Венесуэла), Люблине (Польша), Ашаффенбурге (Германия), Париже, Нью-Йорке и многих других городах России и зарубежья, где у этого издания есть свои внимательные и заинтересованные читатели и авторы.

Вероятно, этим обстоятельством объясняется факт, что среди желающих выступить на собрании не было недостатка. Предваряя обсуждение альманаха, главный его редактор, президент Академии российской литературы Леонид Ханбеков познакомил собравшихся с итогами первого полугодия и перспективами работы клуба и академии на дальнейший период. Затем он представил участникам собрания новых членов академии, широко известных в писательской среде талантливых литераторов: Владимира Фёдорова — по коллегии драматургии и Виктора Кологрива

(Смирнова) — по коллегии литературы для детей и подростков. Принятые в академию рассказали о себе и своём творчестве, а Леонид Ханбеков заметил, что, учитывая профессиональные качества В. Фёдорова и В. Кологрива, не исключает возможности увидеть их в составе правления и среди руководителей коллегий.

Что касается обсуждения содержания альманаха, общий настрой выступавших членов академии Ивана Тимченко, Любови Сидоровой, Сергея Короткова, Нины Дубовицкой и других был положительным. Номер явно удался. И проза, и стихи, и житейские истории, и литературная хроника, отклики и рецензии — всё органично соединилось под обложкой «Московского Парнаса», который на этот раз открыло стихотворение «Великан сатиры» Марселя Салима, посвящённое 100-летию Сергея Михалкова. Вне сомнения, читателям запомнятся повесть в этюдах Таисии Кучерюк «Сегодня я — твоя жена», рассказы Нины Осмоловской, Евгения Скоблова, стихи Ивана Тимченко, Натальи Квасниковой, Геннадия Дулепова, Максима Климова, публикации в рубриках «Далёкое-близкое» Александра Остапова,

«Прогулки в прошлое» Евгении Громчевской. Не осталась незамеченной собравшимися, к несчастью, становящаяся постоянной страницей «Память». В этом выпуске она посвящена ушедшему от нас члену клуба «МП» и академии Евгению Антошкину.

Как всегда, в альманахе дебютируют новые авторы. На сей раз их не менее двадцати: это члены литературного объединения «Раменские зори», с которым у «Московского Парнаса» складываются хорошие творческие отношения. Кстати, о необходимости проявления инициативы в расширении подобных контактов в своём обстоятельном выступлении говорила Елена Сапрыкина.

Конечно, не обошлось и без критических замечаний в адрес некоторых публикаций. Но присутствовавшим на собрании авторам альманаха Евгению Скоблову, Петру Гулдаеву, Нине Осмоловской, Ивану Тимченко, Сергею Овчарову и другим не пришлось огорчаться. Об их публикациях прозвучало много добрых слов. Способствовало этому в немалой степени и «юбилейное» настроение: «Московскому Парнасу» исполнилось десять лет. С чем и хочется искренне его поздравить!